

Социально-психологические предикторы виктимного поведения в подростковом возрасте

О. Г. Япарова^{✉1}, А. А. Аболевич¹

¹ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 92

Сведения об авторах

Ольга Георгиевна Япарова,
SPIN-код: 8104-0027,
e-mail: yaparova@mail.ru

Анастасия Арсентьевна Аболевич,
SPIN-код: 5598-3600,
e-mail: abolevich84@mail.ru

Для цитирования:

Япарова, О. Г.,
Аболевич, А. А. (2019)
Социально-психологические
предикторы виктимного
поведения
в подростковом возрасте.
*Комплексные исследования
детства*, т. 1, № 4, с. 272–284.
DOI: 10.33910/2687-0223-2019-1-
4-272-284

Получена 27 октября 2019;
прошла рецензирование
4 ноября 2019;
принята 6 ноября 2019.

Права: © Авторы (2019).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена описанию результатов исследования социально-психологических предикторов виктимного поведения в подростковом возрасте. В работе делается попытка описать и уточнить степень значимости вклада социально-психологических предикторов в виктимное поведение подростков. В исследовании принял участие 91 подросток в возрасте 15–16 лет, проживающий в Республике Хакасия и обучающийся в сельской средней общеобразовательной школе с углубленным изучением отдельных предметов. Для измерения предрасположенности подростков к реализации различных форм виктимного поведения использовалась методика «Склонность к виктимному поведению» для старшего подросткового возраста О. О. Андронниковой. Для измерения черт личности, отражающих относительно устойчивые способы взаимодействия человека с окружающим миром и самим собой, был применен многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант 14 PF). Для выявления типов взаимодействия родителей и детей с позиции подростков применялся опросник «Взаимодействие “родитель — ребенок”» И. М. Марковской. Изучение социально-экономического положения семьи проводилось с помощью архивного метода (социальный паспорт класса). Полученные результаты были подвергнуты статистической обработке с помощью программ IBM SPSS Statistics 23 с использованием метода множественной регрессии. В качестве социально-психологических предикторов были исследованы независимые переменные: переменные многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла, параметры социального статуса семьи, переменные опросника «Взаимодействие “родитель — ребенок”» И. М. Марковской. В качестве зависимой переменной были исследованы показатели по каждой шкале методики «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андронниковой. Методом множественной регрессии, пошагового отбора установлена достоверная значимость вклада предикторов (независимых переменных) в виктимное поведение подростков: переменные многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла, степень эмоциональной устойчивости, степень принятия моральных норм, самоконтроля и внутреннего напряжения, а также склонность к чувству вины, застенчивость — авантюризм. Переменные опросника «Взаимодействие “родитель — ребенок”» И. М. Марковской, выражающие особенности взаимодействия родителей с детьми: эмоциональная дистанция, отвержение, автономность — контроль по отношению к подростку, непоследовательность родителей; социально-экономические характеристики семьи: уровень дохода и состав семьи.

Ключевые слова: виктимность, виктимное поведение, подростковый возраст, предикторы, детско-родительское взаимодействие, черты личности, регрессионный анализ.

Socio-psychological predictors of victim behaviour in adolescents

O. G. Yaparova^{✉1}, A. A. Abolevich¹

¹ Katanov Khakass State University, 92 Lenin Str., Abakan 655017, Russia

Authors

Olga G. Yaparova,
SPIN: 8104-0027,
e-mail: yaparova@mail.ru

Anastasiya A. Abolevich,
SPIN: 5598-3600,
e-mail: abolevich84@mail.ru

For citation: Yaparova, O. G.,
Abolevich, A. A. (2019)

Socio-psychological predictors
of victim behaviour in adolescents.
Comprehensive Child Studies, vol. 1,
no. 4, pp. 272–284. DOI:
10.33910/2687-0223-2019-1-4-272-
284

Received 27 October 2019;
reviewed 4 November 2019;
accepted 6 November 2019.

Copyright: © The Authors (2019).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article reports the results of a study focused on socio-psychological predictors of victim behaviour in teenagers. The aim of this paper is to describe the contribution and define the significance of socio-psychological predictors in adolescents' victim behaviour. The study involved 91 adolescents aged 15–16 years living in the Republic of Khakassia and studying in a rural secondary school with advanced instruction in a number of subjects. We used the Andronnikova method "Predisposition to victim behaviour" for older adolescents to measure the teenagers' predisposition to various forms of victim behaviour. Cattell 14 PF questionnaire was used to measure personality traits that reflect relatively stable ways of an individual's relationship with the external world and one's self. The Markovskaya questionnaire "Parent-child interaction" was applied to identify the types of interaction between parents and children from the adolescents' point of view. The study of the social and economic situation of the families was carried out using the archival method (by studying the "social passport" of the class). The results were statistically processed by means of the IBM SPSS Statistics 23 program using Multiple Regression. The following independent variables were examined as socio-psychological predictors: Cattell 14 PF variables, the parameters of the family's social status, and the variables of the Markovskaya questionnaire. The indicators on each scale of the Andronnikova method "Predisposition to victim behaviour" were studied as a dependent variable. The significance of the predictors' contribution (independent variables) to victim behaviour in adolescents was identified by the method of Multiple Regression and step-by-step selection: 14 PF Cattell variables, degree of emotional stability, degree of acceptance of moral standards, self-control and internal stress, as well as a predisposition to guilt, shyness-adventurism. Also, the variables from the Markovskaya "Parent-child interaction" questionnaire, which express specific features of interaction between parents and children: emotional distance, rejection, autonomy-control in relation to a teenager, parents' inconsistent behaviour; socio-economic characteristics of the family: income level, and family composition.

Keywords: victimisation, victim behaviour, adolescence, predictors, parent-child interaction, personality traits, regression analysis.

Введение

В последние годы проблемы, связанные с исследованием культуры насилия, выявлением социальных, психологических и биологических факторов насилия, подвергаются глубокому междисциплинарному анализу. В связи со всплеском детской агрессивности в образовательных учреждениях важным является рассмотрение природы виктимного поведения, выявление факторов и возрастных особенностей виктимизации у детей. Это приводит к необходимости дополнительного изучения проблем воздействия виктимогенных факторов и выявления возможностей для девиктимизирующего воздействия (Кузнецова, Ершенико 2013; Кемяшова, Фаустова 2017).

Есть точка зрения, что социальные факторы, социальный статус личности определяют старт виктимности, а личностные качества через определенный образ жизни являются реализаторами фаз виктимности и механизмов поведения (прежде всего негативного) (Вишневецкий 2014; Шейнов 2019).

На виктимное поведение подростка влияют не только механизм виктимизации личности, но и вовлеченные в него действия ближнего окружения, обстоятельства и ситуации, в которых находится ребенок (Матанцева 2016, Реан 2015). Алкоголизм и аморальность родителей, частые переезды семьи, развод и другое являются факторами в развитии жертвенности, способствующими закреплению виктимных механизмов (Мудрик, Петрина 2015).

Описаны факторы дезадаптации, которые создают предпосылки для возникновения виктимного поведения: школьный фактор (неадекватность воспитательных мер, несправедливое отношение учителя, занижение оценок и т. д.); семейный фактор (бедность, неполная семья, семья с нарушенным эмоциональным климатом и т. д.); средовой фактор (влияние сверстников, «улицы», чрезмерное количество свободного времени); социальный фактор (социально-экономическая нестабильность общества, изменение общественных идеалов, пропаганда зла, насилия и т. д.); коррекционно-профилактический фактор (наличие или отсутствие медико-социально-психологической службы образовательного учреждения, способной своевременно выявлять признаки декомпенсации и предотвратить наступление тяжелых форм социальной дезадаптации у школьников) (Иовчук 2002).

Источники виктимности заложены в самих подростках, у которых в силу возраста выражен дефицит культурного и психологического потенциала личности (Руденский 2013; Субботина 2016). Такие характерные особенности подростков, как эмоциональная незрелость, недостаточное умение контролировать собственное поведение, соизмерять желания и возможности в удовлетворении своих потребностей, повышенная внушаемость, желание самоутвердиться, желание стать взрослым, — все это в подростковом возрасте повышает риск стать жертвой неблагоприятных условий социализации.

Ряд авторов указывают пик виктимности подростков, который приходится на 12–13 лет. Мы придерживаемся точки зрения О. О. Андронниковой, что возрастные границы виктимности смещаются на 15–16 лет, поскольку в этом возрасте возникают такие новообразования, как формирование социальных ролей, изменение самооценки, образа Я, стремление к эмансипации, появление чувства взрослости (Андронникова 2005).

Прогнозирование типов виктимного поведения человека опирается на факторное влияние основных предикторов, выражающих сущность происходящих виктимных изменений (Макаров, Бобченко 2019).

Для нас представляло особый интерес описать и уточнить вклад и степень влияния социально-психологических предикторов на становление разных видов виктимного поведения у старших подростков. Под предикторами мы понимаем такие независимые переменные, изменения которых приводят к изменениям других зависимых переменных (Наследов 2011).

Мы предположили, что такие личностные черты, как эмоциональная неустойчивость и низкий самоконтроль, вносят значимый вклад в формирование агрессивного виктимного поведения; зависимые подростки склонны к беспомощному виктимному поведению. Неполная семья увеличивает вероятность формирования агрессивного виктимного поведения, а эмоциональная дистанция влияет на формирование саморазрушающего виктимного поведения.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие подростки (91 человек) в возрасте 15–16 лет, проживающие в Республике Хакасия и обучающиеся в сельской средней общеобразовательной школе с углубленным изучением отдельных предметов. 75 % подростков проживают в полных семьях. 21 % подростков — из многодетных семей, 47 % — из семей с двумя детьми, 32 % подростков являются единственными детьми. У 38 % подростков семьи с низким уровнем дохода, 44 % подростков из семей со средним уровнем дохода и 18 % — из семей с высоким уровнем дохода.

Для измерения предрасположенности подростков к реализации различных форм виктимного поведения мы использовали методику «Склонность к виктимному поведению» для старшего подросткового возраста О. О. Андронниковой.

Опираясь на положение Р. Кеттелла о том, что различия в поведении людей объясняются различиями в выраженности черт личности, которые отражают относительно устойчивые способы взаимодействия человека с окружающим миром и самим собой и обуславливают предрасположенность поступать единообразно в различных обстоятельствах (Холл, Линдсей 2008), мы использовали личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант 14 PF).

Опросник «Взаимодействие “родитель — ребенок”» (ВРР) И. М. Марковской позволил выявить типы детско-родительского взаимодействия (с позиции подростка).

Архивный метод (социальный паспорт класса) помог определить некоторые социально-экономические характеристики семьи.

Полученные результаты мы подвергли статистической обработке с помощью программы IBM SPSS Statistics 23, используя метод множественной регрессии (Наследов 2011).

В качестве социально-психологических предикторов были исследованы независимые переменные:

Табл. 1. Показатели по шкалам склонности к виктимному поведению старших подростков (по методике «Склонность к виктимному поведению» для старшего подросткового возраста О. О. Андронниковой)

Шкалы склонности к виктимному поведению	Ниже нормы		Норма		Выше нормы	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Склонность к агрессивному виктимному поведению	14	15	43	48	34	37
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	15	16	73	81	3	3
Склонность к гиперсоциальному поведению	9	10	76	83	6	7
Склонность к зависимому и беспомощному поведению	12	13	49	54	30	33
Склонность к некритичному поведению	7	8	70	77	14	15
Шкала реализованной виктимности	16	18	57	62	18	20

- переменные многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла;
- параметры социального статуса семьи;
- переменные опросника «Взаимодействие “родитель — ребенок”» И. М. Марковской.

В качестве зависимой переменной были исследованы показатели по каждой шкале методики «Склонность к виктимному поведению» для старшего подросткового возраста О. О. Андронниковой.

Результаты и их обсуждение

В таблице 1 представлены результаты исследования склонности к виктимному поведению подростков.

Полученные результаты говорят о тревожной тенденции — склонности подростков к агрессивному виктимному поведению (37 %). Для такого поведения характерно намеренное создание агрессивной ситуации и проявление провоцирующего поведения. Качественный анализ ответов показал, что подростки с агрессивным виктимным поведением не прощают обиды и первыми начинают драки.

Высокий уровень склонности к зависимому и беспомощному поведению (33 % подростков) выражен в неумении оказывать сопротивление и противодействие насилию. Подростки с таким поведением ищут сочувствия и поддержки окружающих. Качественный анализ ответов убеждает, что подростки не способны прекратить напряженную, неловкую ситуацию, не сопротивляются, если их обзывают, не хотят заниматься выгодной, но опасной работой.

У 20 % была выявлена склонность к реализованной виктимности. Каждый пятый подросток может попадать в неприятные или даже опасные для здоровья и жизни ситуации.

Модель некритичного виктимного поведения (15 %) выражается в неумении оценивать жизненные ситуации, разбираться в знакомствах, в стремлении идеализировать людей.

Гиперсоциальное, жертвенное виктимное поведение (модель инициативного поведения) зачастую социально одобряемо, подразумевает положительные мотивы. В нашем случае выявилось у 7 % подростков.

Склонность к самоповреждающему и саморазрушительному поведению (модель активного виктимного поведения) (3 %) выражается в том, что подростки создают ситуацию виктимности, не осознавая последствий своих действий или не придавая им значения.

Таким образом, у исследуемых подростков в наибольшей степени выражена склонность к агрессивному поведению (37 %), зависимому и беспомощному поведению (33 %) и реализованной виктимности (20 %).

Как отмечалось ранее, становление жертвы при тех или иных неблагоприятных условиях социализации зависит от многих личностных характеристик, которые в одних и тех же условиях могут способствовать или препятствовать виктимизации личности. В связи с этим мы использовали личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант 14 PF). Результаты представлены в таблице 2.

По всем факторам более половины испытуемых показали средний уровень выраженности личностных черт. Здесь мы будем анализировать только крайние и особенно выраженные показатели по шкалам.

Фактор В определяет склонность подростков ко лжи. Низкий уровень лжи выявлен у 82 % подростков, то есть большая часть подростков не склонна приукрашивать собственные качества с точки зрения социальной желательности.

Табл. 2. Результаты исследования выраженности факторов — черт личности по многофакторному личностному опроснику Р. Кеттелла (подростковый вариант 14 PF)

Факторы	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
А (шизотимия — аффектотимия)	4	4	67	74	20	22
В (ложь)	74	82	14	15	3	3
С (степень эмоциональной устойчивости)	32	35	49	54	10	11
Д (флегматичность — возбудимость)	13	14	60	66	18	20
Е (подчиненность — доминирование)	26	29	52	57	13	14
Ф (осторожность — легкомыслие)	12	13	63	69	16	18
Г (степень принятия моральных норм)	17	19	60	66	14	15
Н (застенчивость — авантюризм)	14	15	64	72	13	14
І (реализм — сензитивность)	16	18	53	58	22	24
Ј (неврастения, фактор Гамлета)	11	12	76	84	4	4
О (самоуверенность — склонность к чувству вины)	13	14	64	71	14	15
Q2 (степень групповой зависимости)	27	30	48	52	16	18
Q3 (степень самоконтроля)	16	18	64	70	11	12
Q4 (степень внутреннего напряжения)	9	10	61	67	21	23

По фактору А (шизотимия — аффектотимия) можно оценить эмоционально теплых, общительных, веселых подростков, более социально приспособленных — их 22 %. Качественный анализ ответов показал, что аффектотимичные подростки подают руку помощи новичку в классе или берут удар на себя, закрывая своих товарищей.

По фактору С (степень эмоциональной устойчивости) треть подростков (35 %) можно отнести к эмоционально неустойчивым, раздражительным. Вероятно, это связано с особенностями возраста.

По фактору Д (флегматичность — возбудимость) у 20 % подростков выражена возбудимость, нетерпеливость, несдержанность, что тоже может быть обусловлено возрастными особенностями.

Низкие показатели по фактору Е говорят об уступчивости, зависимости подростков — таких выявилось 29 %. Высокие показатели, свидетельствующие о выраженном стремлении к самоутверждению, самостоятельности и независимости, характерны для 14 % подростков.

По фактору F (осторожность — легкомыслие) у 18 % подростков отмечается безалаберность, импульсивность, активность и разговорчивость. Они часто бывают душой компании.

Низкие значения по фактору G (19 % подростков) говорят о слабом интересе к общественным стандартам. Высокие значения по фактору G (степень принятия моральных норм) (15 % подростков) свидетельствуют о высокой сознательности, настойчивости, об умении использовать ресурсы собственной личности.

Чем выше значения по фактору Н (застенчивость — авантюризм), тем ярче проявляются такие качества, как социальная смелость, живость и непосредственность. С другой стороны, эти подростки могут небрежно относиться к деталям, не реагировать на сигналы опасности.

Высокие значения по фактору О (самоуверенность — склонность к чувству вины) говорят о тревожном, подавленном, озабоченном настроении. 15 % подростков тяжело переживают жизненные неудачи, и их настроение и поведение сильно зависят от одобрения или неодобрения со стороны окружающих.

Высокие показатели (12 %, или 11 человек) по фактору Q3 (степень самоконтроля) свидетельствуют об организованности, умении хорошо контролировать свои эмоции и поведение. Подростки с высоким Q3 способны эффективно управлять своей энергией и умеют хорошо планировать свою жизнь. Они, как правило, хорошо осознают социальные требования

Табл. 3. Оценка подростков особенностей детско-родительского взаимодействия с родителями (по опроснику «Взаимодействие “родитель — ребенок”» И. М. Марковской)

Шкалы	Кол-во	%
Нетребовательность — требовательность родителя	51	56
Мягкость — строгость родителя	46	51
Автономность — контроль по отношению к ребенку	62	68
Эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю	49	54
Отвержение — принятие ребенка родителем	58	64
Отсутствие сотрудничества — сотрудничество	52	57
Несогласие — согласие между ребенком и родителем	50	55
Непоследовательность — последовательность родителя	61	67
Авторитетность родителя	44	48
Удовлетворенность отношениями ребенка с родителем	51	56

и заботятся о своей общественной репутации. Низкие показатели (18 %, или 16 человек) по фактору Q3 указывают на слабую волю и плохой самоконтроль (особенно над желаниями).

По фактору Q4 (степень внутреннего напряжения) высокие показатели отмечаются у 23 % подростков, для них характерна сверхактивность, возбудимость, нетерпеливость. Наблюдается низкий порог фрустрации, который связан с высокой возбудимостью. Ответы говорят о несдержанности подростков, когда им делают замечания, они могут рассердиться и оттолкнуть, если вмешиваются в их работу.

Результаты исследования особенностей детско-родительского взаимодействия (опросник «Взаимодействие “родитель — ребенок”» И. М. Марковской) представлены в таблице 3.

Анализ результатов по этой методике показал половинность благополучия — неблагополучия в детско-родительском взаимодействии. Так, практически поровну подростки судят о строгости или мягкости мер по отношению к ним со стороны родителей. Последовательность родителей является важным параметром взаимодействия. 67 % подростков оценивают родителей как предсказуемых, треть же считают их эмоционально неуравновешенными. 64 % подростков считают, что родители их любят, принимают, понимают, а 36 % оценивают взаимодействие родителей как отвергающее.

Но наиболее информативными для диагностики позитивности — негативности отношений подростка с родителями являются показатели по шкале «авторитетность родителя». В данном случае это самый низкий результат, который говорит о негативных, напряженных отношениях детей и родителей в целом.

Для установления значимости вклада социально-психологических предикторов в виктимное поведение подростков мы использовали множественный регрессионный анализ.

Результаты множественной регрессии по методике «Склонность к виктимному поведению» для старшего подросткового возраста О. О. Андронниковой и многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла (подростковый вариант 14 PF) представлены в таблице 4.

Для множественного регрессионного анализа была использована пошаговая регрессия. Цель — отбор предикторов из большого количества переменных, которые вносят значимый вклад в вариацию переменной зависимой.

Как мы видим из таблицы, по каждой переменной переменной определены только значимые предикторы (независимые переменные).

По шкале «Склонность к агрессивному виктимному поведению» из 14 переменных опросника Р. Кеттелла в уравнение регрессии входят лишь три: факторы Q3 ($\beta = -0,507$), C ($\beta = -0,371$), G ($\beta = -0,208$). 69,8 % дисперсии переменной

Табл. 4. Результаты множественной регрессии: значимый вклад предикторов (переменных многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла) в виктимное поведение в подростковом возрасте (n = 91)

Зависимая переменная	R	R ²	Предикторы (независимые переменные)	β
Склонность к агрессивному виктимному поведению	0,835	0,698	Фактор Q3	-0,507**
			Фактор С	-0,371***
			Фактор G	-0,208**
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	0,312	0,102	Фактор Н	0,229*
Склонность к гиперсоциальному поведению	0,657	0,432	Фактор А	0,358***
			Фактор G	0,299**
			Фактор С	-0,193***
Склонность к зависимому и беспомощному поведению	0,889	0,791	Фактор Е	-0,325***
			Фактор О	0,252***
Склонность к некритичному поведению	0,459	0,211	Фактор F	0,310***
			Фактор Н	0,219*
Шкала реализованной виктимности	0,764	0,584	Фактор G	-0,320***
			Фактор С	-0,307***
			Фактор Q4	0,164*

Примечание: β — стандартный коэффициент регрессии; R^2 — коэффициент детерминации; p — уровень значимости коэффициента β : * $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$

«Склонность к агрессивному виктимному поведению» обусловлено влиянием данных предикторов. Каждая из независимых переменных (предикторов) имеет отрицательную корреляцию с зависимой переменной. Это означает, что с уменьшением показателей степени самоконтроля (фактор Q3), степени эмоциональной устойчивости (фактор С) и степени принятия моральных норм подростками увеличиваются показатели склонности к агрессивному виктимному поведению.

По шкале «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» выявлен только один предиктор — фактор Н ($\beta = 0,229$). Значение R^2 (0,102) показывает, что всего 10,2 % дисперсии зависимой переменной обусловлено влиянием данного предиктора.

По шкале «Склонность к гиперсоциальному виктимному поведению» из большого числа переменных опросника Р. Кеттелла выявлены три предиктора: фактор А ($\beta = 0,358$), G ($\beta = 0,299$), С ($\beta = -0,193$). Значение R^2 показывает, что 43,2 %

Табл. 5. Результаты множественной регрессии: значимый вклад предикторов (параметров социального статуса семьи) в виктимное поведение в подростковом возрасте (n = 91)

Зависимая переменная	R	R2	Предикторы (независимые переменные)	β
Склонность к агрессивному виктимному поведению	0,445	0,198	Уровень дохода	-0,163***
			Состав семьи	-0,125***
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	-	-	Не выявлены	-
Склонность к гиперсоциальному поведению	-	-	Не выявлены	-
Склонность к зависимому и беспомощному поведению	0,512	0,263	Состав семьи	-0,132***
Склонность к некритичному поведению	-	-	Не выявлены	-
Шкала реализованной виктимности	-	-	Не выявлены	-

Примечание: β — стандартный коэффициент регрессии; R^2 — коэффициент детерминации; p — уровень значимости коэффициента β : * $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$

дисперсии переменной «Склонность к гиперсоциальному виктимному поведению» обусловлено влиянием этих предикторов. Каждая из независимых переменных вносит разный вклад в оценку зависимой переменной. Так, с увеличением показателей по фактору А (шизотимия — аффектотимия) и фактору G (степень принятия моральных норм), а также уменьшением показателей по фактору С (степень эмоциональной устойчивости) увеличиваются показатели по шкале «Склонность к гиперсоциальному виктимному поведению».

Значимый вклад в вариацию переменной зависимой «Склонность к зависимому и беспомощному поведению» вносят два предиктора: фактор Е ($\beta = -0,325$) и О ($\beta = 0,252$). 79,1 % дисперсии зависимой переменной обусловлено влиянием указанных предикторов. Стандартные коэффициенты регрессии β отражают относительную степень влияния. Так, с уменьшением показателей по фактору Е (пассивность — доминантность) и увеличению по фактору О (самоуверенность — склонность к чувству вины) увеличиваются показатели по шкале «Склонность к зависимому и беспомощному поведению».

Склонность к некритичному поведению обусловлена влиянием факторов F и H ($R = 0,459$, $R^2 = 0,211$). Это означает, что только 21,1 % дис-

персии зависимой переменной обусловлено влиянием указанных предикторов. Стандартные коэффициенты регрессии β отражают относительную степень влияния: для предиктора «фактор F» $\beta = 0,310$, а для предиктора «фактор H» $\beta = 0,219$. Каждая из независимых переменных (предикторов) имеет положительную корреляцию с зависимой переменной. Так, с увеличением показателей по фактору F (осторожность — легкомыслие) и по фактору H (робость, застенчивость — смелость, авантюризм) увеличиваются показатели по шкале «Склонность к некритичному поведению».

По шкале «Реализованной виктимности» значимый вклад в уравнение регрессии вносят фактор G ($\beta = -0,307$), С ($\beta = -0,307$), Q4 ($\beta = 0,164$). Значение R^2 показывает, что 58,4 % дисперсии переменной «Реализованная виктимность» обусловлено влиянием указанных предикторов. Факторы С и G имеют отрицательную корреляцию с зависимой переменной, а фактор Q4 — положительную. Это означает, что с уменьшением показателей по фактору С (степень эмоциональной устойчивости) и по фактору G (степень принятия моральных норм) и увеличением по фактору Q4 (степень внутреннего напряжения) увеличиваются показатели по шкале «Реализованная виктимность».

Табл. 6. Результаты множественной регрессии: значимый вклад предикторов (переменных опросника «Взаимодействие “родитель — ребенок”» (И. М. Марковская)) в виктимное поведение в подростковом возрасте (n = 91)

Зависимая переменная	R	R ²	Предикторы (независимые переменные)	β
Склонность к агрессивному виктимному поведению	0,841	0,708	Отвержение — принятие	-0,621***
			Непоследовательность — последовательность	-0,430***
			Автономность — контроль по отношению к ребенку	-0,419**
			Мягкость — строгость	0,320***
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	0,481	0,231	Отвержение — принятие	-0,298***
			Эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю	-0,345***
Склонность к гиперсоциальному поведению	0,648	0,420	Отвержение — принятие	-0,280***
			Автономность — контроль по отношению к ребенку	-0,223**
Склонность к зависимому и беспомощному поведению	0,784	0,614	Отвержение — принятие	-0,540***
			Эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю	-0,475***
			Автономность — контроль по отношению к ребенку	0,420***
			Отсутствие сотрудничества — сотрудничество	-0,254**
			Непоследовательность — последовательность родителя	-0,203**
Склонность к некритичному поведению	0,502	0,252	Непоследовательность — последовательность родителя	-0,318***
			Отсутствие сотрудничества — сотрудничество	-0,398***
Шкала реализованной виктимности	0,828	0,685	Отвержение — принятие	-0,624***
			Эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю	-0,506***
			Непоследовательность — последовательность родителя	-0,471**
			Автономность — контроль по отношению к ребенку	-0,408**
			Мягкость — строгость	0,334**

Примечание: β — стандартный коэффициент регрессии; R^2 — коэффициент детерминации; p — уровень значимости коэффициента β : * $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$

В таблице 5 представлены результаты множественной регрессии по методике «Склонность к виктимному поведению» и социального статуса семьи.

Множественный регрессионный анализ выявил значимый вклад предикторов в зависимые переменные «Склонность к агрессивному виктимному поведению» и «Склонность к зависимому и беспомощному поведению». Методом пошагового отбора параметр «Количество детей в семье» был исключен из уравнения множественной регрессии. По остальным шкалам статистическая значимость не обнаружена.

Необходимо отметить, что только 19,8 % дисперсии склонности к агрессивному виктимному поведению обусловлено влиянием уровня дохода и состава семьи. Стандартные коэффициенты регрессии β являются статистически достоверными, что позволяет интерпретировать относительную степень влияния каждого из предикторов; для переменных «уровень дохода» и «состав семьи» $\beta = -0,163$ и $\beta = -0,125$ соответственно. Каждая из независимых переменных вносит примерно одинаковый вклад в оценку зависимой переменной и коррелирует с ней отрицательно. Это означает, что чем ниже уровень дохода семьи, тем выше показатели по шкале «Склонность к агрессивному виктимному поведению». В неполных семьях выше показатели склонности к агрессивному виктимному поведению.

По шкале «Склонность к зависимому и беспомощному поведению» выявлен предиктор «состав семьи» ($\beta = -0,132$; $R^2 = 0,263$). Это означает, что 26,3 % дисперсии зависимой переменной обусловлено влиянием данного предиктора.

Возможно, что при отсутствии необходимой социальной и материальной поддержки, приводящей к невротизации и социальной изоляции матери, она проецирует свои чувства на подростка в виде жестокого обращения или глубокого чувства вины. Доля дисперсии зависимых переменных «Склонность к агрессивному виктимному поведению» и «Склонность к зависимому и беспомощному поведению» находится на уровне 19,8 % и 26,3 % соответственно, что дает основание считать, что возникновение виктимного поведения незначительно зависит от состава семьи и уровня дохода.

В таблице 6 представлены результаты множественной регрессии по методике «Склонность к виктимному поведению» и опросника «Взаимодействие “родитель — ребенок”» И. М. Марковской.

На основании множественного регрессионного анализа по методике «Склонность к виктимному поведению» и опросника «Взаимодействие “родитель — ребенок”» можно сделать следующие выводы.

По шкале «Склонность к агрессивному виктимному поведению» из переменных опросника «Взаимодействие “родитель — ребенок”» выявлены следующие предикторы: отвержение — принятие ($\beta = -0,621$), непоследовательность — последовательность ($\beta = -0,430$), автономность — контроль по отношению к ребенку ($\beta = -0,419$), мягкость — строгость ($\beta = 0,320$). 70,8 % дисперсии переменной «Склонность к агрессивному виктимному поведению» обусловлено влиянием данных предикторов. Стандартные коэффициенты регрессии β отражают относительную степень влияния каждого из предикторов. Первые три независимые переменные имеют отрицательную корреляцию с зависимой переменной, а последняя — положительную. Таким образом, отвержение, непоследовательность родителя, автономность по отношению к подростку и строгость родителя влияют на склонность к агрессивному виктимному поведению подростка.

По шкале «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» выявлены два предиктора: отвержение — принятие ($\beta = -0,298$) и эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю ($\beta = -0,345$). 23,1 % дисперсии зависимой переменной обусловлено влиянием данных предикторов. Независимые переменные имеют отрицательную корреляцию с зависимой переменной. Если уменьшаются показатели по шкале «отвержение — принятие» и «эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю», то показатели по шкале «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» увеличиваются. То есть отвержение и эмоциональная дистанция влияют на склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению подростка.

По шкале «Склонность к гиперсоциальному виктимному поведению» выявлены также два предиктора: отвержение — принятие ($\beta = -0,280$) и автономность — контроль по отношению к ребенку ($\beta = -0,223$). 42 % дисперсии переменной «Склонность к гиперсоциальному виктимному поведению» обусловлено влиянием этих предикторов. Стандартные коэффициенты регрессии β отражают относительную степень влияния каждого из предикторов, вносят примерно одинаковый вклад в оценку зависимой переменной и коррелируют с ней отрицательно.

Это означает, что с уменьшением показателей по шкалам «отвержение — принятие» и «автономность — контроль по отношению к ребенку» увеличиваются показатели по шкале «Склонность к гиперсоциальному виктимному поведению».

Значимый вклад в вариацию переменной зависимой «Склонность к зависимому и беспомощному поведению» вносят следующие предикторы: отвержение — принятие ($\beta = -0,540$), эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю ($\beta = -0,475$), автономность — контроль по отношению к ребенку ($\beta = 0,420$), отсутствие сотрудничества — сотрудничество ($\beta = -0,254$), непоследовательность — последовательность родителя ($\beta = -0,254$). 61,4 % дисперсии зависимой переменной обусловлено влиянием указанных предикторов. Каждая из независимых переменных (предикторов) вносит разный вклад в оценку зависимой переменной. Так, склонность к зависимому и беспомощному поведению подростков обусловлена влиянием таких предикторов, как: отвержение, эмоциональная дистанция, отсутствие сотрудничества, непоследовательность родителя, контроль по отношению к ребенку.

По шкале «Склонность к некритичному виктимному поведению» подростков выявлены два предиктора: непоследовательность родителя ($\beta = -0,318$) и отсутствие сотрудничества ($\beta = -0,398$). Только 25,2 % ($R^2 = 0,252$) дисперсии зависимой переменной обусловлено влиянием указанных предикторов. Каждая из независимых переменных (предикторов) имеет отрицательную корреляцию с зависимой переменной. Так, с уменьшением показателей по шкале «непоследовательность — последовательность родителя» и «отсутствие сотрудничества — сотрудничество» увеличиваются показатели по шкале «Склонность к некритичному поведению». То есть непоследовательность родителя и отсутствие сотрудничества влияют на склонность к некритичному виктимному поведению подростков, а именно: неумению правильно оценивать жизненные ситуации, неосмотрительности, невниманию к опасности.

По шкале «Реализованной виктимности» значимый вклад из переменных опросника И. М. Марковской вносят: отвержение — принятие ($\beta = -0,624$), эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю ($\beta = -0,506$), непоследовательность — последовательность родителя ($\beta = -0,471$), автономность — контроль по отношению к ребенку ($\beta = -0,408$), мягкость — строгость

($\beta = 0,334$). 68,5 % дисперсии переменной «Реализованная виктимность» обусловлено влиянием данных предикторов. Стандартные коэффициенты регрессии β имеют разные значения, что говорит о том, что каждая из независимых переменных (предикторов) вносит разный вклад в оценку зависимой переменной. И все независимые предикторы, кроме переменной «мягкость — строгость», имеют отрицательную корреляцию с зависимой переменной. Это означает, что с уменьшением показателей по шкалам «отвержение — принятие», «эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю», «непоследовательность — последовательность родителя», «автономность — контроль по отношению к ребенку» увеличиваются показатели по шкале «Реализованная виктимность»; чем строже меры, применяемые родителями к ребенку, чем более жесткие правила устанавливаются во взаимоотношениях с ним, тем более подростки склонны попадать в неприятные и даже опасные для здоровья и жизни ситуации.

Выводы

Методом множественной регрессии установлена достоверная значимость вклада социально-психологических предикторов в формирование различных видов виктимного поведения подростков:

- Низкий самоконтроль (фактор Q3), эмоциональная устойчивость (фактор С) и низкая степень принятия моральных норм подростками вносят вклад в формирование склонности к агрессивному виктимному поведению.
- Аффектотимия (фактор А), высокая степень принятия моральных норм (фактор G), эмоциональная неустойчивость (фактор С) способствуют развитию склонности к гиперсоциальному виктимному поведению.
- Пассивность (фактор Е) и склонность к чувству вины (фактор О) вносят значимый вклад в развитие склонности к зависимому и беспомощному поведению.
- Легкомыслие (фактор F) и авантюризм (фактор Н) способствуют развитию склонности к некритичному поведению.
- Низкая степень эмоциональной устойчивости (фактор С), низкая степень принятия моральных норм (фактор G) и высокая степень внутреннего напряжения (фактор Q4) вносят значимый вклад

- в развитие склонности к реализованная виктимности.
- Низкий уровень дохода и неполная семья вносят значимый вклад в формирование склонности к агрессивному виктимному поведению. Неполная семья вносит относительный вклад в формирование зависимого и беспомощного поведения.
  - Отвержение, непоследовательность родителя, автономность по отношению к подростку и строгость родителя влияют на склонность к агрессивному виктимному поведению подростка.
  - Отвержение и эмоциональная дистанция между родителем и ребенком влияют на склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению подростка.
  - Отвержение, эмоциональная дистанция, непоследовательность родителей, отсутствие сотрудничества вносят значимый вклад в формирование зависимого и беспомощного поведения.
  - Непоследовательные родители, не признающие достоинства ребенка, способствуют развитию у подростка некритичного виктимного поведения.
  - Отвержение ребенка, эмоциональная дистанция, автономия с выраженным безразличием к ребенку, непоследовательность в требованиях и строгость родителей вносят значимый вклад в формирование реализованной виктимности.

Литература

- Андронникова, О. О. (2005) *Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук*. Новосибирск, НГПУ, 213 с.
- Вишневецкий, К. В. (2014) Виктимизация: факторы, условия, уровни. *Теория и практика общественного развития*, № 4, с. 226–227.
- Иовчук, Н. М. (2002) *Детско-подростковые психические расстройства*. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 80 с.
- Кемьяшова, П. Н., Фаустова, А. Г. (2017) Обзор современных исследований виктимного поведения у студентов. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, т. 5, № 4 (19), с. 745–761.
- Кузнецова, Л. Э., Ерошенко, А. Н. (2013) Психологические особенности проявления виктимного поведения у современной молодежи. *Актуальные вопросы современной психологии: Материалы II международной научной конференции*. Челябинск: Два комсомольца, с. 73–75.
- Макаров, А. С., Бобченко, Т. Г. (2019) Психологические особенности виктимной личности. *Студенческий*, № 13 (57). [Электронный ресурс]. URL: <https://sibac.info/journal/student/57/136196> (дата обращения 01.10.2019).
- Матанцева, Т. Н. (2016) Факторы виктимного поведения подростков как социальная проблема психологической науки. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, т. 8, с. 74–81. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56124.htm> (дата обращения 01.10.2019).
- Мудрик, А. В., Петрина, М. Г. (2015) Социально-педагогическая виктимология: исторический экскурс. *Сибирский педагогический журнал*, № 5, с. 119–125.
- Наследов, А. Д. (2011) *SPSS 19: Профессиональный статистический анализ данных*. СПб.: Питер, 400 с.
- Реан, А. А. (2015) Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения. *Национальный психологический журнал*, № 1 (17), с. 3–8. DOI: 10.11621/npj.2015.0101
- Руденский, Е. В. (2013) *Методология и теория исследования виктимогенеза личности*. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 222 с.
- Субботина, Р. А. (2016) Личностные детерминанты виктимного поведения юношей и девушек. *Интеграция образования*, т. 20, № 1 (82), с. 51–62. DOI: 10.15507/1991-9468.082.020.201601.051-062
- Холл, К. С., Линдсей, Г. (2008) *Теории личности*. 2-е изд. М.: Психотерапия, 652 с.
- Шейнов, В. П. (2019) Внутрличностные предикторы виктимизации. *Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда*, т. 4, № 1, с. 154–182.

References

- Andronnikova, O. O. (2005) *Psikhologicheskie factory vzniknoveniya viktimnogo povedeniya podrostkov [The psychological factors of the origin of adolescent victim behaviour]*. PhD dissertation (Psychology). Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, 213 p. (In Russian)
- Hall, C. S., Lindzey, G. (2008) *Teorii lichnosti [Theories of personality]*. 2nd ed. Moscow: Psikhoterapiya Publ., 652 p. (In Russian)
- Iovchuk, N. M. (2002) *Detsko-podrostkovye psikhicheskie rasstrojstva [Adolescent mental disorders]*. Moscow: NZ ENAS Publ., 80 p. (In Russian)
- Kemyashova, P. N., Faustova, A. G. (2017) *Obzor sovremennykh issledovaniy viktimnogo povedeniya u studentov [A review of current research on student victim behaviour]*. *Lichnost v menyayushchemsa mire: zdorovje*,

- adaptaziya, razvitiye* — *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, vol. 5, no. 4 (19), pp. 745–761. (In Russian)
- Kuznetsova, L. E., Eroshenko, A. N. (2013) Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya viktimnogo povedeniya u sovremennoj molodezhy [Psychological features of the victim behaviour developing of modern youth]. In: *Aktualnye voprosy sovremennoj psikhologii: Materialy 2 mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [Actual questions of modern psychology: Materials of the 2 International scientific conference]*. Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa Publ., pp. 73–75. (In Russian)
- Makarov, A. S., Bobchenko, T. G. (2019) Psikhologicheskie osobennosti viktimnoj lichnosti [Psychological features of victim personality]. *Studencheskij*, no. 13 (57). [Online]. Available at: <https://sibac.info/journal/student/57/136196> (accessed 01.10.2019). (In Russian)
- Matantseva, T. N. (2016) Factory viktimnogo povedeniya podrostkov kak sotsial'naya problema psikhologicheskoy nauki [Factors of adolescent victim behaviour as a social problem of psychological science]. *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal "Kontsept"*, vol. 8, pp. 74–81. [Online]. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/56124.htm> (accessed 01.10.2019). (In Russian)
- Mudrik, A. V., Petrina, M. G. (2015) Sotsialno-pedagogicheskaya viktimologiya: istoricheskij ekskurs [Socio-pedagogical victimology: Historical excursus]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal — Siberian Pedagogical Journal*, no. 5, pp. 119–125. (In Russian)
- Nasledov, A. D. (2011) *SPSS 19: Professional'nyj statisticheskij analiz dannykh [SPSS 19: Professional statistical data analysis]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 400 p. (In Russian)
- Rean, A. A. (2015) Sem'ya kak faktor profilaktiki i riska viktimnogo povedeniya [Family as a factor in prevention and risk of victim behavior]. *Natsionalnyj psikhologicheskij zhurnal — National Psychological Journal*, no. 1 (17), pp. 3–8. DOI: 10.11621/npj.2015.0101 (In Russian)
- Rudenskij, E. V. (2013) *Metodologiya i teoriya issledovaniya viktimogeneza lichnosti [Methodology and theory of the study of victimization of personality]*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 222 p. (In Russian)
- Shejnov, V. P. (2019) Vnutrilichnostnye prediktory viktimizatsii [Intrapersonal predictors of victimization]. *Institut psikhologii Rossijskoj Akademii Nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*, vol. 4, no. 1, pp. 154–182. (In Russian)
- Subbotina, R. A. (2016) Lichnostnye determinanty viktimnogo povedeniya yunoshej i devushek [Personal determination of victimication among juveniles]. *Integratsiya obrazovaniya — Integration of Education*, vol. 20, no. 1 (82), pp. 51–62. DOI: 10.15507/1991-9468.082.020.201601.051-062 (In Russian)
- Vishnevetskij, K. V. (2014) Viktimizatsiya: factory, usloviya, urovni [Victimization: Factors, conditions, levels]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya — Theory and Practice of Social Development*, no. 4, pp. 226–227 (In Russian)